

**ОТТОРЖЕНИЕ ВОЛОСТНОГО ЗЕМСТВА
МУЛЬТИЭТНИЧНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ ЮГО-ВОСТОКА
РОССИИ В ХОДЕ ВЫБОРОВ 1917 г.***

Сергей Любичанковский

Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, Россия

**REJECTION OF THE VOLOST ZEMSTVO
BY THE MULTINATIONAL POPULATION OF SOUTHEAST
RUSSIA DURING THE 1917 ELECTION**

Sergey Lyubichankovskiy

Orenburg State Pedagogical University,
Orenburg, Russia

This article contains an analysis of the election to the volost zemstvo in Southeast Russia in 1917. The study is based on documents from the archives of Stavropol, Astrakhan, and Orenburg regions, the State Archive of the Russian Federation, and materials from periodicals in the region under study. Soviet historiography claimed that the results of the 1917 election did not reflect the real (i. e. “left”) political preferences of the “masses”. However, the example of Southeast Russia does not support this conclusion. Party agitation did not play a decisive role in the zemstvo campaign. It would also be wrong to interpret the political predilections of the “underprivileged classes” as mainly Left Socialist-Revolutionary and Bolshevik. The failure of the election in national minority areas, the rather low voter turnout, and the election of relatively wealthy peasants as members of the city дума allow the author to conclude that in the 1917 election campaign, the traditional consciousness of the peasant population played a fundamental role. The traditionalism of Russian peasants was further strengthened due to the authorities’ special

* *Citation:* Lyubichankovskiy, S. (2019). Rejection of the Volost Zemstvo by the Multinational Population of Southeast Russia during the 1917 Election. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 1. P. 129–139. DOI 10.15826/qr.2019.1.367.

Цитирование: Lyubichankovskiy S. Rejection of the Volost Zemstvo by the Multinational Population of Southeast Russia during the 1917 Election // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 1. P. 129–139. DOI 10.15826/qr.2019.1.367 / Любичанковский С. Отторжение волостного земства мультиэтническим населением Юго-Востока России в ходе выборов 1917 г. // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 1. С. 129–139. DOI 10.15826/qr.2019.1.367.

attitude towards their closest neighbours, i. e. representatives of national minorities. It was this traditionalism that impeded transition to a new management standard, i. e. the volost zemstvo, which was alien to peasants. The article demonstrates that the most important impediment for the reform was the mental conflict between advocates of the innovative “zemstvo volost” and adherents of traditionalist consciousness. The latter perceived the introduction of a volost zemstvo as an act of forced acculturation. It is concluded that the mental split of Russian society makes it possible to explain the pro-zemstvo orientation of many peasant councils of deputies and the anti-zemstvo attitude of both clan aristocracy and the majority of volost and rural chairmen. These factors explain the failure of the 1917 volost election in Southeast Russia in comparison to the centre of the country. It is noted that the cardinal conflict of opinions concerning the volost reform “from above” and “from below” predetermined the further development of the revolution in Southeast Russia.

Keywords: volost zemstvo; Southeast Russia in 1917; elections; forced acculturation.

Представлены результаты анализа выборов в волостное земство на Юго-Востоке России, проведенных в 1917 г. Исследование основано на документах из архивов Ставропольского края, Астраханской и Оренбургской областей, Государственного архива Российской Федерации, а также на материалах региональной периодической печати изучаемого региона периода подготовки и проведения выборов. В советской историографии утверждалось, что результаты выборов 1917 г. не отражали реальных (то есть левых) политических предпочтений «народных масс». Пример Юго-Востока России не поддерживает этот вывод. Партийная агитация не играла решающей роли в земской кампании. Также неверно было бы трактовать политические пристрастия «неимущих классов» как главным образом левоэсеровские и большевистские. Неудача выборов в национальных районах, довольно низкая явка избирателей, а также выборы в гласные сравнительно зажиточных крестьян позволяют сделать вывод, что в выборной кампании 1917 г. фундаментальную роль сыграла традиционность сознания крестьянского населения. Традиционализм русского крестьянства еще более усиливался благодаря примерам особого отношения власти к его ближайшим соседям – представителям национальных меньшинств. Именно он стал главным препятствием для перехода к новому, чуждому крестьянам стандарту управления – волостному земству. Показано, что важнейшим тормозом реформы был ментальный конфликт между проповедниками инновационной «земской волости» и носителями традиционалистского сознания. Последние воспринимали внедрение волостного земства в качестве акта насильственной аккультурации. Сделан вывод, что ментальный раскол российского общества позволяет объяснить проземскую ориентацию многих Советов крестьянских

депутатов и антиземскую настроенность не только родовой аристократии, но и большинства волостных и сельских старшин. С этими факторами связана неудача волостных выборов 1917 г. на Юго-Востоке России по сравнению с центром страны. Отмечено, что кардинальное противоречие смыслов, вкладывавшихся в волостную реформу «сверху» и «снизу», предопределило дальнейшее развитие революции на Юго-Востоке России.

Ключевые слова: волостное земство; Юго-Восток России в 1917 г.; выборы; насильственная аккультурация.

Волостная земская реформа 1917 г., в результате которой в России возникло низовое сельское самоуправление, была одной из наиболее трудных реформ, осуществленных Временным правительством. Введение волостного земства потребовало огромных усилий со стороны властей, но результаты далеко не соответствовали ожиданиям. В российской и западной историографии трудности в проведении этой реформы объяснялись организационными, кадровыми и техническими проблемами и политическим размежеванием в обществе [Lyubichankovskiy]. Однако представляется, что важнейшим тормозом реформы был ментальный конфликт между носителями традиционалистского сознания и проповедниками инновационной «земской волости». Мы анализируем конфликты вокруг волостной земской реформы 1917 г. на Юго-Востоке России. С одной стороны, наше исследование находится в рамках регионального подхода, учитывающего многообразие местных условий; с другой, в нем подчеркивается разница интересов между бюрократией и традиционными крестьянскими институтами. Процесс создания низовой самоуправленческой единицы проанализирован на примере трех губерний, которые являлись самыми «молодыми» земскими территориями империи, а именно Астраханской, Оренбургской и Ставропольской. В то время как в центральных регионах страны и некоторых губерниях Урала губернские и уездные собрания и управы начали создаваться уже в 1860–1870-е гг., описываемые губернии (в этой статье они вместе именуются Юго-Востоком России) впервые получили земское самоуправление только в 1913 г.¹ Земства имели здесь однотипную нормативно-правовую базу, организационную структуру и избирательную систему и накопили к 1917 г. схожий культурно-хозяйственный и общественно-политический опыт.

Юго-Восток России в географическом отношении отличался непосредственным соседством с окраинами империи – Кавказом, ка-

¹ Отходя от общепринятого подхода к рассмотрению земств в рамках традиционных регионов (Урала, Поволжья, Севера и т. д.), исходим из того, что земства вводились в разных губерниях в разное время, поэтому различия внутри этих макрорегионов были очень существенными.

захскими землями и Средней Азией, а также обширной площадью губерний². В Астраханской губернии было 100 волостей, в Оренбургской – 131, в Ставропольской – 157. Плотность населения в регионе была невысокой³, но общая численность жителей интенсивно росла за счет переселенцев и беженцев из прифронтовых районов в годы Первой мировой войны. В отличие от центра империи, на Юго-Востоке России дворяне и помещики были малочисленны⁴, а население было многонациональным по составу и отличалось сложной конфессиональной структурой⁵. В регионе также проживало значительное число казаков⁶, которые обладали автономией и были в значительной степени обособлены от остальных жителей губерний. Таким образом, Юго-Восток России являлся пространством активной реализации государственной имперской аккультурационной политики, будучи в социальном, этническом, а также административном отношении переходной территорией между окраинами страны и ее коренным, преимущественно русским центром. Мы попытались рассмотреть, как эти особенности региона отразились на проведении волостной реформы 1917 г. и на отношении населения к ней⁷.

В исследовательской литературе можно встретить характеристику явки избирателей на волостных выборах 1917 г. Ситуация была такова: более 50 % избирателей приняли участие в выборах земских гласных лишь в нескольких селах на Юго-Востоке России [Северокавказское слово, 1917, 10 сент, с. 4; Там же, 23 сент., с. 4; Оренбургское земское дело, 1917, 14 сент., с. 4–5; Там же, 29 сент., с. 4]; в большинстве волостей региона на избирательные участки пришли не более 35 % граждан, имевших право голоса [ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 181. Л. 1–93; Д. 69. Л. 10–106]; на отдельных участках на выборы явились менее 10 % избирателей либо вообще не явились [ГАРФ. Ф. Р. 393. Оп. 5. Д. 645. Л. 1–65; Д. 708. Л. 3]. Однако такая обобщенная статистическая картина не дает адекватного представления об атмосфере, царившей на участках в день выборов.

² Астраханская губерния простиралась на 184 536 кв. верст, Оренбургская – на 101 584 кв. верст, Ставропольская – на 47 716 кв. верст, то есть они занимали одно из первых мест среди «земских» губерний России по размеру территорий.

³ В Астраханской губернии на 1 кв. версту приходилось 6,6 чел. сельских и 1,2 чел. городских жителей, в Оренбургской – 14,8 и 3,34 чел. соответственно, в Ставропольской – 27,4 и 2,5 чел.

⁴ В начале XX в. в целом по России на каждую тысячу подданных приходилось 15 дворян, а в Астраханской губернии этот показатель равнялся 0,6, в Оренбургской – 0,8, в Ставропольской – 0,9.

⁵ В Астраханской губернии казахи, калмыки и прочие нерусские народы составляли 46 % населения, в Оренбургской губернии башкиры, татары, казахи – более 27 %, в Ставропольской губернии калмыки, ногайцы, туркмены – около 8 % населения.

⁶ Астраханское казачье войско включало около 31 тыс. чел., Оренбургское – 575 тыс. чел.

⁷ В статье не рассматривается процесс подготовки выборов в волостное земство, поскольку этот сюжет должен стать объектом специального исследования.

Представляется уместным обратиться к оценкам журналистов – современников событий, которые передавали нюансы атмосферы выборов. Зарисовку хода выборов волостных земских гласных сделал журналист газеты «Оренбургское земское дело» в селе Ново-Николаевском Орского уезда:

Голосование началось в 8 часов утра. Как только открылись двери избирательного участка, сразу проголосовало несколько человек, а затем никто не являлся. Так продолжалось несколько часов. Члены избирательной комиссии пошли по домам, настойчиво приглашая крестьян на выборы. Они стали подходить нехотя, как невольники. Собрались и стали толковать: зачем это нам? Чего от нас хотят? Хомут на нас надеть хотят? Постояли, поспорили между собой и разошлись по домам. Тогда послали за избирателями ответственных должностных лиц. И только под угрозой составления протокола на тех, кто не явится за избирательными записками, удалось подействовать на крестьян [Оренбургское земское дело, 1917, 8 окт., с. 4].

Аналогичные примеры можно встретить и в других изданиях (см., например: [Северокавказское слово, 1917, 17 окт., с. 2–3]). Все это ярко показывает, что за небольшими цифрами явки избирателей на участки стояло сознательное нежелание голосовать.

В ряде волостей региона выборы не состоялись вовсе: в августе-сентябре 1917 г. от создания волостных земств полностью отказались жители многих из них⁸. Такое решение, как правило, оформлялось крестьянским сходом. Например, 20 августа 1917 г. граждане села Пелагиада в день голосования созвали сход и пришли к заключению, что «не желают называть и слушать слово “земство”, а также и выбирать гласных». Исходя из этого, они отклонили все требования местного волостного старшины и постановили: «никаких выборов, а также подач записок в волостные гласные не производить» [Наш край, с. 346].

⁸ Заплавинской и Кисловской Царевского уезда [ГААО. Ф. 490. Оп. 2. Д. 2. Л. 3–5]; Уланской – Чернойарского [ГАСК. Ф. Р. 393. Оп. 5. Д. 646. Л. 56–61]; Ново-Николаевской, Дмитриевской, Булановской, Ново-Михайловской и Спасской – Оренбургского [ГАРФ. Ф. Р. 393. Оп. 5. Д. 677. Л. 1–18; Оренбургское земское дело, 1917, 8 окт., с. 4]; Долговской, Таловской, Костылевской, Становской, Ичкинской, Куртамышевской, Таволжанской – Челябинского [Оренбургское земское дело, 1917, 20 авг., с. 3–4; ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 181. Л. 80–95]; Кубеляк-Телевской – Верхнеуральско-Троицкого [Оренбургское земское дело, 1917, 20 авг., с. 3–4; ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 181. Л. 80–95]; Медведковской – Благодаринской [ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200. Л. 97–110]; Покровской и Тахтинской – Медвеженского [Там же. Л. 135–139]; Правокумской, Легокумской, Урожайнинской, Ново-Александровской, Орловской Никольской, Преображенской, Степной, Урожайнинской – Святокрестовского [ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 217. Л. 68]; Надеждинской, Михайловской, Татарской, Кутулытинской, Тугулуковской, Безопасинской, Донской, Степновской, Пелагадской – Ставропольского [Там же. Д. 177. Л. 223–225; ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200. Л. 97–98].

Помимо этой основной (фундаментальной) проблемы априорного недоверия к волостному земству, для произведенных выборов оказались характерны еще несколько, казалось бы, технических проблем, которые, однако, не позволили им состояться в целом ряде волостей. Среди них – оставшаяся фактом значительная техническая неподготовленность избирателей. Многие из тех граждан, которые все-таки пришли на избирательные участки, будучи не ознакомлены с процедурой, просто не смогли правильно заполнить бланки для голосования. Например, в Оренбургской губернии многие избиратели не указали отчества тех, за кого отдавали свой голос, как того требовал закон [ГАОО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6. Л. 315–322]. Как мы уже писали выше, это было следствие главным образом чрезмерно ускоренной подготовки выборов.

Неприятным сюрпризом для регионального земства стало одно из следствий принятого Временным правительством варианта мажоритарной системы выборов, в соответствии с которым во многих значительная часть баллотировавшихся кандидатов не смогла заручиться поддержкой большинства граждан, принявших участие в выборах, и пройти в гласные [ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 69. Л. 15–52]. В ходе выборов основная масса голосов избирателей «распылилась» и распределилась приблизительно поровну между отдельными претендентами. Благодаря этому в подавляющей (!) части тех волостей, где граждане все-таки пришли и проголосовали, гласные либо вообще не были избраны, либо оказалось выбрано лишь несколько человек, то есть такое число, которое не могло официально приступить к работе [Там же. Ф. Р. 393. Оп. 5. Д. 646. Л. 39–44; Ф. 1788. Оп. 2. Д. 181. Л. 73–89]. В итоге на всей территории Астраханской губернии в августе-сентябре 1917 г. было организовано всего лишь 21 волостное земство (27 %), в Оренбургской – 12 (12,5 %), в Ставропольской – 16 (11 %). Это был полный крах волостной земской идеи в регионе.

В сентябре-октябре 1917 г. на территории региона были организованы повторные выборы или довыборы, предваренные массовой агитацией, опять с помощью Советов крестьянских депутатов [ГААО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 40. Л. 120–141; Ф. 14. Оп. 3. Д. 6. Л. 307–315; ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 200. Л. 98–115], а также священников [Оренбургское земское дело, 1917, 5 сент., с. 3]. Теперь информационная обработка населения велась уже более целенаправленно, поскольку итоги голосования показали, какие волости являются наиболее проблемными. Эти мероприятия в большинстве случаев (за несколькими исключениями 100 % позитивного завершения избирательной кампании добиться в регионе так и не удалось) закончились результативно. Положительное завершение процедуры выборов, хотя бы и со второго раза, было зафиксировано главным образом в тех волостях, где земская реформа активно поддерживалась и пропагандировалась Советами крестьянских депутатов, а также там,

где сельская интеллигенция – учителя, врачи, агрономы и проч. – настойчиво и последовательно агитировала крестьян прийти на выборы. В результате к концу октября 1917 г. на Юго-Востоке России волостные земские гласные в полном комплекте были избраны в 17 из 21 волостей Астраханского уезда⁹.

По сравнению с итогами первых выборов это было крупным успехом. Однако если по России в целом выборы в волостное земство не состоялись в 25 % волостей, то в рассматриваемом регионе – более чем в 1/3 волостей. Особенно тяжелая ситуация в этом отношении сложилась в Ставропольской губернии, где волостные земские гласные не были избраны более чем в половине всех волостей. Нулевые результаты при этом были достигнуты на территории проживания «кочевых инородцев».

Там, где выборы состоялись, в большинстве волостей победили в имущественном плане зажиточные жители, в политическом контексте – сторонники правых эсеров и трудовиков [ГАРФ. Ф. Р. 393. Оп. 5. Д. 49. Л. 12–43; Д. 32. Л. 1–21; Ф. 1788. Оп. 2. Д. 181. Л. 80–153]. Большинство из них (около 70 %) имели начальное образование, часть – среднее и специальное, некоторые обладали опытом работы в земских учреждениях. Представителям неимущих слоев и сторонникам радикальных левых сил (левых эсеров и большевиков) удалось победить на выборах лишь в нескольких волостях региона [ГАРФ. Ф. Р. 393. Оп. 5. Д. 646. Л. 25–27; Д. 645. Л. 65–67; Ф. 393. Оп. 5. Д. 677. Л. 38–42].

Фактически это означало, что крестьянская верхушка, первоначально сопротивлявшаяся выборам, в ответ на настойчивость власти решила «оседлать» процесс земских выборов и использовать их в своих интересах. Местные крестьянские и казачьи элиты приспособлялись к новым для себя обстоятельствам, но только там и тогда, где и когда не представлялась возможность сорвать выборы в принципе. Важно отметить, что «инородцы» в районах компактного их проживания на подобный компромисс не пошли: выборы в волостное земство не были проведены в Калмыцкой степи, Киргизской орде, Большедербетовском улусе, Ачикулакском и Туркменском приставах и др. [ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 143. Л. 50–81; Д. 81. Л. 145–161]. То же самое касалось и других избирательных кампаний 1917 г. в этих районах, что демонстрировало продолжение противостояния между

⁹ 17 из 21 волости Астраханского уезда [ГАРФ. Ф. Р. 393. Оп. 5. Д. 645. Л. 1–26]; 14 из 17 волостей – Енотаевского [Там же. Д. 646. Л. 18–28]; 9 из 10 – Красноярского [Там же. Д. 645. Л. 47–67]; 22 из 24 – Царевского [Там же. Д. 646. Л. 39–117]; 24 из 28 – Черноярского [Там же. Л. 56–77]; 35 из 42 – Оренбургского; 8 из 10 – Верхнеуральского [Там же. Д. 677. Л. 1–47]; 9 из 12 – Троицкого [Там же. Л. 1–47]; 15 из 21 – Орского [Оренбургское земское дело, 1917, 29 сент., с. 4]; 34 из 46 – Челябинского [Там же. Д. 756. Л. 1–23]; 13 из 19 – Ставропольского [Там же. Д. 708. Л. 1]; 12 из 32 – Александровского [ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 177. Л. 96–120]; 15 из 40 – Благодаринского [Северокавказское слово, 1917, 28 сент., с. 4]; 20 из 39 – Медвеженского [ГАРФ. Ф. 1789. Оп. 1. Д. 134. Л. 2]; 14 из 27 – Святокрестовского [ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 217. Л. 68–70].

родовой аристократией и центральной бюрократией. Тем временем казаки занимали в вопросе о выборах промежуточное положение между крестьянами и «иностранцами»: хотя выборы не были полностью сорваны, они не состоялись более чем в 54 % казачьих волостей.

Несмотря на поддержку выборов со стороны советов, земства и советы региона не были аналогичны друг другу по партийному и личному составу: волостные земства были более умеренными. Это было следствием двух обстоятельств, которые проливают свет на более общие вопросы, касающиеся как отношения населения к обоим институтам, так и взаимоотношений между земствами и советами в регионе.

Во-первых, в случае с земствами образца 1917 г. речь шла фактически о комплектовании бюрократических органов управления. Отсюда вытекали жесткие требования, которые власть предъявляла к проведению и результатам выборов. Советам не отводилось в планах власти такой же роли. Поэтому, не будучи навязываемыми «сверху», советы не вызывали такого отторжения и, видимо, в какой-то степени, также напоминали знакомые крестьянам традиционные общинные институты. Этим воспользовались политические партии, в первую очередь социалистические, получившие преобладание в советах.

Во-вторых, важно подчеркнуть, что к моменту избирательной кампании в волостное земство в регионе были сформированы только губернские и уездные советы. Появление волостных и сельских советов на Юго-Востоке России относится к периоду уже после октября 1917 г., в массовом порядке они оформились только в январе-феврале 1918 г. Иными словами, в период земских выборов советы еще просто не являлись для населения реальной альтернативой волостному земству. Именно разницей во времени в создании низовых советов и земств можно объяснить как поддержку выборов со стороны губернских советов, так и более радикальный, нежели в земствах, состав созданных позже сельских советов.

В советской историографии утверждалось, что результаты выборов 1917 г. не отражали реальных (то есть левых) политических предпочтений «народных масс» [Ерошкин; Герасименко]. Пример Юго-Востока России не поддерживает этот вывод. Партийная агитация не играла решающей роли в земской кампании. Также неверно было бы трактовать политические пристрастия «неимущих классов» как главным образом левоэсеровские и большевистские. Неуспех выборов в национальных районах, довольно низкая явка избирателей, а также выборы в гласные сравнительно зажиточных крестьян позволяют сделать вывод, что в выборной кампании в 1917 г. фундаментальную роль сыграла традиционность сознания крестьянского населения. Традиционализм русского крестьянства еще более усиливался благодаря примерам особого отношения власти к их ближайшим соседям – представителям национальных меньшинств. Именно этот

традиционализм стал главным препятствием для перехода к новому, чуждому крестьянам стандарту управления – волостному земству.

Волостная реформа на Юго-Востоке России сопровождалась огромными трудностями, которые невозможно свести только к организационным, кадровым и техническим проблемам, неизбежным в условиях продолжавшейся войны и обострения социально-политической напряженности. Главной проблемой для молодого в земском отношении и окраинного по своему положению в составе империи региона стало отторжение волостного земства мультиэтничным населением. Навязываемое сверху, не имевшее корней в местных традициях, земство воспринималось в качестве несправедливого механизма управления, причем именно управления, а не самоуправления. Нечто похожее в позднеимперской России наблюдалось при внедрении бюрократических (в веберовском смысле) механизмов управления на окраинах в конце XIX в. Об этом ярко написал Йорг Баберовски: «Нигде дилемма государственной бюрократии не проявилась так явно, как на мультиэтничных окраинах империи. Бюрократизация в этих регионах являлась синонимом маргинализации автохтонных элит, представлявших власть центра на периферии в дореформенный период. Неизвестные люди на непонятном языке объясняли и приводили в исполнение непонятные законы – так воспринималась бюрократизация окраин местными элитами и крестьянским населением» [Баберовский, с. 94].

Являлась ли эта фундаментальная проблема специфической только лишь для рассматриваемого региона, или она была характерной для страны в целом? Думается, некоторые ее признаки можно увидеть по всей земской России. Однако на разных территориях эта проблема стояла с разной остротой, но наиболее остро – именно в таких регионах, как Юго-Восток России. Основой всего предшествовавшего опыта существования этой «внутренней периферии» в составе Российского государства было уважение центра к традиционным механизмам власти и к носителям этой власти. Непосредственное соседство русских крестьян региона с особыми социокультурными группами, а именно казаками и «иностранцами», не могло не возбудить в них желания пользоваться теми же льготами и привилегиями, включая признание законности старинных форм управления общиной. Следовательно, их реакция на внедряемый механизм земского волостного управления была более резкой, чем у жителей других регионов, где земство было учреждено несколькими десятилетиями ранее.

Ментальный раскол российского общества позволяет объяснить проземскую ориентацию многих Советов крестьянских депутатов и антиземскую настроенность не только туземной аристократии, но и большинства волостных и сельских старшин. С этими же факторами связана и неудача волостных выборов 1917 г. на Юго-Востоке России по сравнению с центром страны.

Опыт региона в 1917 г. наглядно показывает, что никакая теоретически выверенная модель управления не может быть «высажена» на неподготовленную почву. Жители Юго-Востока России в 1917 г. непосредственно соседствовали с казаками и национальными районами, являвшими собой примеры успешной защиты традиционных устоев. Они не воспринимали волостное земство в качестве реально работающего механизма управления и видели в проводимых выборах только способ отдать власть над собой каким-то сторонним силам. О возможности повлиять на избранную власть они, возможно, не задумывались, так как весь их предшествующий опыт не допускал такого развития событий. Именно поэтому одна часть населения, не видя возможности получить влияние на власть, отказывала земской реформе во всякой поддержке. Другая же, усмотрев в реформе способ взять власть в свои собственные руки или ее удержать, активно участвовала в выборах. Однако она едва ли задумывалась о необходимости последующей работы на благо всего коллектива, а не только своих собственных интересов. Это кардинальное противоречие смыслов, вкладываемых в волостную реформу «сверху» и «снизу», предопределило дальнейшее развитие революции на Юго-Востоке России. Этот гордиев узел, возможно, не мог быть развязан в принципе, а только разрублен.

Список литературы

- Баберовский И.* Доверие через присутствие : Домодерные практики власти в поздней Российской империи // *Ab Imperio*. 2008. № 3. С. 71–95.
 ГАО. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 40; Ф. 490. Оп. 2. Д. 2.
 ГАОО. Ф. 14. Оп. 3. Д. 6.
 ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 69, 81, 134, 143, 181; Ф. Р. 393. Оп. 5. Д. 32, 49, 645, 646, 677, 708, 756.
 ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 177, 200, 217, 646.
Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. М. : Наука, 1990. 262 с.
Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М. : Высш. шк., 1973. 352 с.
 Наш край : Документы и материалы 1917–1977. Ставрополь : Ставроп. книж. изд-во, 1977. 405 с.
 Оренбургское земское дело. 1917. 20 авг.; 5 сент.; 14 сент.; 29 сент.; 8 окт.
 Северокавказское слово. 1917. 10 сент.; 23 сент.; 28 сент.; 17 окт.
Lyubichankovskiy S. Local Administration in the Reform Era and After : Mechanisms of Authority and their Efficacy in Russia // *Kritika : Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 13. 2012. № 4. P. 861–875.

References

- Babеровskii, I.* (2008). *Doverie cherez prisutstvie. Domodernye praktiki vlasti v pozdnei Rossiiskoi imperii* [Trust through Presence. Pre-modern Practices of the Authorities in the Late Russian Empire]. In *Ab Imperio*. No. 3, pp. 71–95.
Eroshkin, N. P. (1973). *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevolutsionnoi Rossii* [History of State Institutions of Prerevolutionary Russia]. Moscow, Vysshaya shkola. 352 p.

GAAO [State Archive of Astrakhan Region]. Stock 1094. List 1. Dos. 40; Stock 490. List 2. Dos. 2.

GAOO [State Archive of Orenburg Region]. Stock 14. List 3. Dos. 6.

GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock 1788. List 2. Dos. 69, 81, 134, 143, 181; Stock R. 393. List 5. Dos. 32, 49, 645, 646; Dos. 677, 708, 756.

GASK [State Archive of Stavropol Krai]. Stock 311. List 1. Dos. 177, 200, 217, 646.

Gerasimenko, G. A. (1990). *Zemskoe samoupravlenie v Rossii* [Zemstvo Self-government in Russia]. Moscow, Nauka. 262 p.

Lyubichankovskiy, S. (2012). Local Administration in the Reform Era and After: Mechanisms of Authority and their Efficacy in Russia. In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 13. No. 4, pp. 861–875.

Nash krai: Dokumenty i materialy 1917–1977 [Our Region. Documents and Materials 1917–1977]. (1977). Stavropol', Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 405 p.

Orenburgskoe zemskoe delo [Orenburg Zemstvo Work]. (1917). 20 Aug.; 5 Sept.; 14 Sept.; 29 Sept.; 8 Oct.

Severokavkazskoe slovo [North Caucasian Word]. (1917). 10 Sept.; 23 Sept.; 28 Sept.; 17 Oct.

The article was submitted on 12.10.2018